

УДК 903(571.5)"631/634"

Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины

А. А. Тимощенко

Иркутский государственный университет

Аннотация. Рассмотрены материалы каменного века опорных местонахождений Канско-Рыбинской котловины. Приведена характеристика геоморфологической и стратиграфической ситуации, результаты радиоуглеродного датирования и даты интервала осадконакопления по остаточной намагниченности. На основании изложенных данных предложена уточненная хронологическая схема каменного века Канско-Рыбинской котловины. Существование палеолитических комплексов датируется в интервале 35–10,5 тыс. л. н., который подразделяется на четыре хронологических этапа. Эпоха мезолита определена в рамках 10,5–7,5 тыс. л. н. и состоит из 3 этапов. С технологией керамического производства население Канско-Рыбинской котловины знакомится 7 тыс. л. н. Верхняя граница формирования неолитических комплексов определена около 4,5 тыс. л. н.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, Канско-Рыбинская котловина, многослойные поселения, погребальные комплексы, палеолит, мезолит, неолит, хронология, периодизация.

Введение

Трудности изучения археологии Сибири вызваны прежде всего тем, что различные ее регионы изучены неравномерно. Одним из таких районов, где археологические исследования только разворачиваются, является территория Канско-Рыбинской котловины, расположенная на западном крыле юга Восточной Сибири. Границы ее определяют: долина р. Бирюсы на востоке и северо-востоке, проходящая по краю Канско-Тасеевской впадины, хребты Восточного Саяна на юге, горные поднятия Енисейского кряжа на северо-северо-западе и приенисейские лесостепные участки на западе. Большую часть региона занимает Канская лесостепь, являющаяся одним из ярких проявлений цепочки островных лесостепей юга Средней Сибири, протяженность которой с юга на север составляет 200 км и с запада на восток – от 60 до 125 км (рис. 1). Общая площадь лесостепи – 17 тыс. км² [Сергеев, 1971].

Географическое расположение Канско-Рыбинской котловины в центре Азиатского материка, климатические и орографические особенности позволяют признать данный район одним из важнейших для выяснения культурно-исторических процессов в древности – связующим звеном в цепочке взаимодействия культур Западной и Восточной Сибири.

Рис. 1. Карта-схема Канско-Рыбинской котловины:

1 – Мезенск, 2 – Зеленогорск I–IV, 3 – могильник Зеленогорский, 4 – Потанчет I–IV, 5 – Казачка I, 6 – Стрижовая Гора, 7 – Попиха, 8 – Бражное

Первые местонахождения на территории Канско-Рыбинской котловины известны благодаря работам Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В 1957–1959 гг. под руководством Г. А. Максименкова проведены работы на оз. Долгом и на местонахождении Кирпичики, впоследствии вошедшем в литературу как Стрижовая Гора.

Период интенсивного изучения котловины начался в 1972 г. Комплексной археологической экспедицией Иркутского госуниверситета (Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов, Д. И. Дементьев и др.) пройдены все основные водные артерии Канско-Рыбинской котловины [Тимощенко, 2008]. Открыто более 100 местонахождений, вмещающих остатки материальной культуры древнего человека от верхнего палеолита до средневековья [Археологические памятники Канской ... , 1992].

За время исследований собран многочисленный археологический материал, который введен в научный оборот лишь частично. Обобщение имеющихся данных и лежит в основе этой статьи, позволяющей существенно дополнить сведения по хронологии древних объектов, уточнить периодизационную шкалу материалов каменного века.

Взгляды исследователей относительно возраста одних и тех же памятников выглядят порой довольно противоречивыми, начиная с работ А. П. Ермолаева, который отрицал существование в Канском районе каменного века [Ермолаев, 1912; Карцов, 1929; Мергарт, 1923; Киселев, 1951; Максименков, 1961, 1964; Генералов, 1978; Генералов, Дзюбас, 1987; Абдулов, Генералов,

1993; Медведев, 1975; Гуляев, Кононова, Медведев, 1977; Савельев, Воробьева, 1984; Савельев, Генералов, Абдулов, 1984]. Причины различий во взглядах зависят, во-первых, от разного количества и качества привлекаемых археологических источников, во-вторых, от неодинаковых подходов к изучению материалов, обусловленного общими тенденциями в развитии археологической науки.

Например, мнение Г. А. Максименкова о палеолитическом возрасте большинства горизонтов Стрижовой Горы было поставлено под сомнение [Гуляев, Кононова, Медведев, 1977; Мезолит СССР, 1989]. Горизонты XVII–III были охарактеризованы как финальноплейстоценовые, что не противоречило отдельным представлениям о возрасте мезолита. В результате различия в каменной индустрии этих горизонтов и мезолитических слоев Казачки I складывается представление о двух разнокультурных линиях развития мезолитического населения Канско-Рыбинской котловины [Гуляев, Кононова, Медведев, 1977; Савельев, Генералов, Абдулов, 1984]. Позднее А. Г. Генералов отнес XIX–IV горизонты Стрижовой Горы к различным этапам палеолита, III горизонт был определен мезолитическим временем [Воробьева, Генералов, 1992; Генералов, 2000].

Для комплексов верхнего палеолита – раннего мезолита Канско-Рыбинской котловины А. Г. Генераловым выделено 5 культурно-хронологических этапов [Генералов, 2001]:

- 1) ранний этап верхнего палеолита (35–25 тыс. л. н.);
- 2) средний этап верхнего палеолита (25–19 тыс. л. н.);
- 3) поздний этап верхнего палеолита (19–13 тыс. л. н.);
- 4) финальный этап верхнего палеолита (13–10,5 тыс. л. н.);
- 5) ранний мезолит (10,5–9,5 тыс. л. н.).

Что касается неолитической эпохи, то в первой половине прошлого века рядом авторов высказано мнение о том, что начало неолита в Красноярско-Канском регионе совпадает по времени с началом развития в Минусинском крае бронзовой культуры [Мергарт, 1923; Карцов, 1929; Ауэрбах, 1929].

Г. А. Максименков при определении возраста неолитических комплексов в бассейне Среднего Енисея взял за основу периодизационную схему прибайкальского неолита, разработанную А. П. Окладниковым [Максименков, 1964; Окладников, 1950].

А. Г. Генералов на основании анализа керамического инвентаря Казачки I разделил неолит Канско-Рыбинской котловины на 5 этапов, соответствующих VII–IV культуросодержащим горизонтам [Генералов, 1978]:

Ранний неолит:

1-й этап (VII к. г.) – начало IV тыс. до н. э.

Развитый неолит:

2-й этап (VIⁿ к. г.) – вторая половина IV тыс. до н. э.

3-й этап (VI к. г.) – конец IV – начало III тыс. до н. э.

Поздний неолит:

4-й этап (V к. г.) – середина III тыс. до н. э.

5-й этап (IV к. г.) – конец III тыс. до н. э.

В 1984 г. Н. А. Савельевым предложена несколько иная культурно-хронологическая схема голоценовых комплексов местонахождения Казачка I, от среднего мезолита до железного века [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984]. Для мезолита – неолита выделено 7 этапов:

- 1) средний мезолит (XX–XIV к. г.) – 10,5–8,5 тыс. л. н.;
- 2) поздний мезолит (XIII–XI к. г.) – 8,5–7,5 тыс. л. н.;
- 3) финальный мезолит (X–VIII к. г.) – 7,5–6,5 тыс. л. н.;
- 4) ранний неолит (VII к. г.) – 2-я половина V – начало IV тыс. до н. э.;
- 5) средний неолит (VI к. г.) – конец IV – начало III тыс. до н. э.;
- 6) поздний неолит (V к. г.) – середина III тыс. до н. э.;
- 7) финальный неолит (IV к. г.) – конец III тыс. до н. э.

В 2013 г. хронологическая схема неолита Канско-Рыбинской котловины была уточнена [Тимощенко, 2013] и приобрела следующий вид:

- 1) ранний неолит – конец VI – начало V тыс. до н. э.;
- 2) средний неолит – 2-я половина V тыс. до н. э.;
- 3) поздний неолит – 1-я половина IV – середина III тыс. до н. э.;
- 4) переходный этап от неолита к эпохе бронзы – 2-я половина III тыс. до н. э.

Предлагаемая работа посвящена анализу 11 опорных многослойных местонахождений, на базе которых основываются современные представления о периодизации и хронологии Канско-Рыбинской котловины.

Материалы

Объект Стрижовая Гора расположен на правобережной 16–20-метровой террасе р. Кан в месте, где река меняет свое направление с западного на северо-западное. Стоянка известна с 1958 г. под названием Кирпичики, работы проводились в 1972, 1974–1975 гг. общая вскрытая площадь составила 582 м².

Многослойное местонахождение Казачка I открыто в 1972 г. КАЭ ИГУ под руководством Н. А. Савельева и расположено в нижнем течении правого притока р. Енисей – р. Кан (на месте современного пос. Усть-Казачка, Рыбинский р-н Красноярского края), на устьевом участке правого притока р. Кан – р. Казачка. Приурочено к отложениям 7–9-метровой надпойменной террасы. Стационарные полевые работы проведены в 1973–1979 и 1984 гг. Общая вскрытая площадь составила около 500 м². Характеристика Казачинского археологического разрезав приведена в ряде публикаций [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Савельев, Воробьева, 1984].

Стоянка и могильник Попиха открыта в 1972 г. отрядом ИГУ под руководством Н. А. Савельева. Стационарные работы проводились в 1986, 1988 и 1989 гг. Местонахождение находится в 18 км выше г. Канска по течению р. Кан напротив д. Ашкаул. Отложения приурочены к 6–7-метровой надпойменной террасе. За все время исследований вскрыто 180 м² [Тимощенко, 2010].

Комплекс археологических местонахождений Потанчет (I–IV) расположен на правом приустьевом участке р. Потанчет (правый приток р. Кан), в 200 м ниже устья последнего. Материальные остатки связаны с отложениями I надпойменной террасы высотой 6 м, выраженной тремя террасовидными раз-

новысотными уступами, сформировавшимися на прирусловых валах. Археологический комплекс открыт в 1972 г. КАЭ ИГУ под руководством Н. А. Савельева. Стационарные работы велись в 1974–1976 и 1987 гг. [Абдулов, Генералов, 1990].

Местонахождение Бражное I находится в окрестностях с. Бражное в 20 км выше по течению р. Кан от г. Канска. Открыто в 1972 г. КАЭ ИГУ под руководством Н. А. Савельева. Раскопочные работы проведены в 1991–1995 гг., общая вскрытая площадь составила 22 м². Объект археологии дислоцирован на 23–25-метровой левобережной террасе р. Кан.

Местонахождение Мезенск открыто в 1980 г. КАЭ ИГУ под руководством А. Г. Генералова, стационарные раскопочные работы велись в 1987 г. Объект находится на правом берегу в верхнем течении р. Усолка (левый приток р. Тасеевой) в 2,5 км на СЗ от станции Березовка, на останце 8–10-метровой террасы. Вскрытая площадь составила 110 м². Данное местонахождение пока что является единственной многослойной стоянкой на севере Канской лесостепи, содержащей материалы от финального палеолита до железного века в достаточно четких стратиграфических условиях.

Зеленогорск I открыт в 1999 г. Н. А. Савельевым и Т. А. Абдуловым, раскопочные работы на памятнике осуществлены в 2000, 2001 гг. Местонахождение расположено на правом берегу р. Кан в 1,1 км ниже устья руч. Медвежий и в 300 м выше городского паромы. Дислоцируется на 6–7-метровой I канской террасе. Общая вскрытая площадь составила 25 кв. м.

В 1999 г. Н. А. Савельевым и Т. А. Абдуловым открыт также могильник Зеленогорский, стационарные раскопки на котором проведены в 2000, 2001 гг. (Н. А. Савельев, Т. А. Абдулов, В. В. Алтухов). Могильник находится на правом берегу р. Кан в 400 м ниже по течению устья руч. Медвежий и в 1 км выше от городского паромы. Дислоцируется на 21-метровом останце левого устьевого участка безымянного распадка. Вскрытая площадь составила 22 м².

Хронология и периодизация

Палеолит. На сегодняшний момент на территории Канско-Рыбинской котловины культуросодержащие горизонты плейстоценового времени зафиксированы на 11 местонахождениях, 5 из которых в силу стратиграфической ситуации являются опорными: Бражное I, Стрижовая Гора, Мезенск, Потанчет III и IV.

Ранний этап верхнего палеолита (35–25 тыс. л. н., позднекаргинское время). Наиболее древний археологический комплекс Канско-Рыбинской котловины зафиксирован в горизонте II местонахождения Бражное I.

Находки горизонта II залегают в солифлюцированной части позднекаргинской почвы [Генералов, Воробьева, Мухаррамов, 1995]. Радиоуглеродная дата, полученная по кости, – 31 000 л. н. (ГИН-8481). К сожалению, археологический материал этого комплекса не содержит диагностических признаков.

Средний этап верхнего палеолита (21–19 тыс. л. н., раннесартанское время) был выделен на материалах XIX и XVIII горизонтов местонахождения Стрижовая Гора.

Горизонты XIX и XVIII залегают в солюфлюцированных отложениях раннего сартана. По XVIII горизонту по кости получена дата $14\ 000 \pm 1500$ л. н. (ГИН-5326), по геостратиграфическим данным XIX и XVIII горизонты датируются 21–19 тыс. л. н.

Споро-пыльцевые спектры, представленные карликовой березой, осокой и полынью, демонстрируют развитие этих горизонтов в условиях холодного и сухого климата [Гуляев, Кононова, Медведев, 1977].

Для данного этапа характерной чертой является распространение микропластинчатой техники и сохранение черт галечной техники, широкое применение получает бифасиальная обработка (рис. 2) [Генералов, 2000, с. 44–46].

Поздний этап верхнего палеолита (19–12 тыс. л. н., средне- и поздне-сартанское время) представлен материалами XVII–VIII горизонтов Стрижовой Горы.

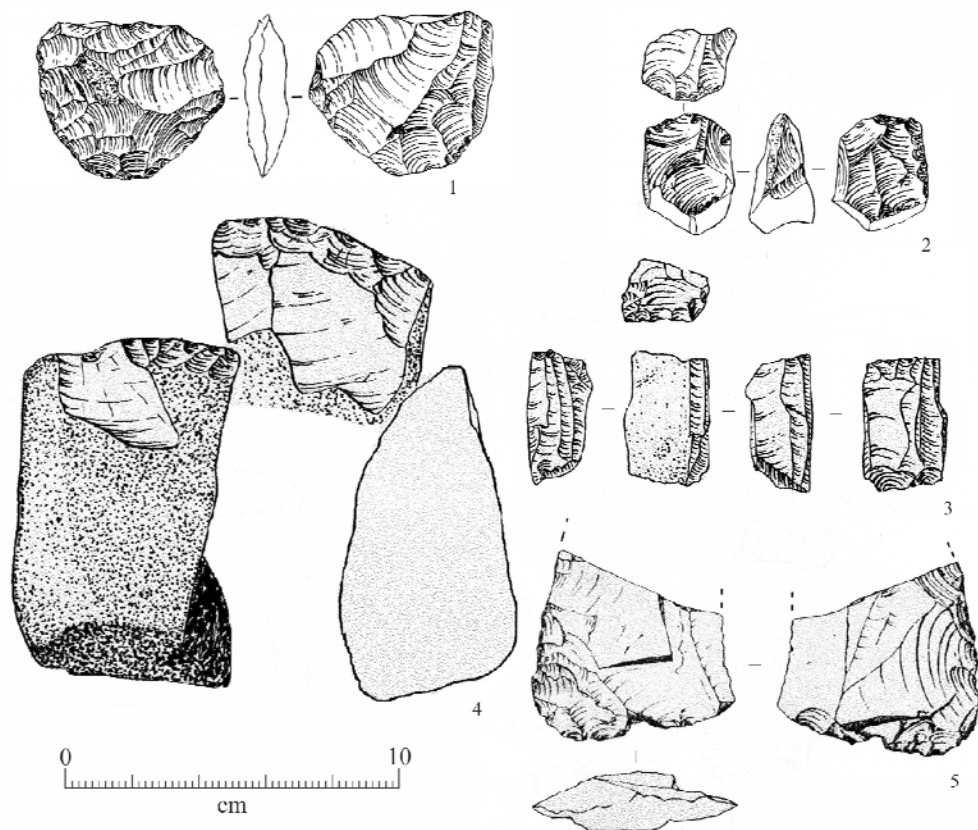

Рис. 2. Материалы среднего этапа верхнего палеолита, камень. Стрижовая Гора, XIX, XVIII к. г. [Генералов, 2001]

Археологические остатки вмещены в супесчано-суглинистые отложения среднего и позднего сартана. Горизонт XVI имеет дату по ^{14}C – $12\,090 \pm 120$ л. н. (ГИН-5822); горизонт XV – $12\,000 \pm 150$ л. н. (ГИН-5821); горизонт XIV – $12\,250 \pm 150$ л. н. (ГИН-5820); горизонт XIII – $11\,890 \pm 60$ л. н. (ГИН-5819), $10\,850 \pm 300$ л. н. (СОАН-406); горизонт XII – $11\,350 \pm 100$ л. н. (ГИН-5818); горизонт X – $17\,400 \pm 300$ л. н. (ГИН-5816) л. н.

Характерной чертой этапа является использование крупных призматических пластин, острый-унифасов, скребел на пластинах, трансверсальных и угловых резцов, в орудийном наборе появляются костяные вкладышевые орудия, в единичных экземплярах зафиксированы гарпун и цельнорезный рыболовный крючок (рис. 3) [Генералов, 2000, с. 91].

Финальный этап верхнего палеолита (12–10,5 тыс. л. н., финально-сартанское время) демонстрируют VII–IV горизонты Стрижовой Горы, IV горизонт Мезенска, V горизонт Потанчета III и IV горизонт Потанчета IV.

На местонахождении Стрижовая Гора к финальной стадии сартана отнесены VII–IV культуросодержащие горизонты. Они включены в окarbonаченную, неслоистую серую супесь со следами погребенной почвы.

Находки слоя IV местонахождения Мезенск залежали в верхней части карбонатного суглинка со следами разрушенной погребенной почвы, слой деформирован криогенными трещинами. Данная почва в соответствии с хроностратиграфической шкалой, разработанной для юга Байкальской Сибири, может быть соотнесена по времени с кокоревско-таймырскими интерстадиальными почвами среднего Енисея [Воробьева, Генералов, 1992; Генералов 2001, с. 75]. Зафиксированные в слое остатки костей бизона и лошади также являются косвенным свидетельством отнесения IV горизонта к позднесартанскому времени.

V горизонт Потанчета III и IV горизонт Потанчета IV залегают в верхней части пачки отложений, определяемой по насыщенности карбонатами как плейстоценовая. По IV к. г. Потанчета IV получена радиоуглеродная дата – $11\,560 \pm 50$ л. н. (JE, кость без номера).

Каменная индустрия финального палеолита сохраняет прежние принципы расщепления камня, основанные на получении призматических пластин (рис. 4). Нуклеусы представлены призматическими и клиновидными формами (рис. 4, 1, 2, 5). Наряду с прежними категориями орудий – скребками, резцами – появляются специфичные тесла с перехватом (рис. 4, 11, 12).

Мезолит. На территории Канско-Рыбинской котловины известно 31 местонахождение, вмещающее в свои отложения остатки эпохи мезолита [Археологические памятники Канской ... , 1992]. В силу стратиграфических особенностей и репрезентативности археологических коллекций и достаточно большой вскрытой площади опорными для данного периода приняты 6 местонахождений: Казачка I, Попиха, Стрижовая Гора, Бражное I, Потанчет III, IV.

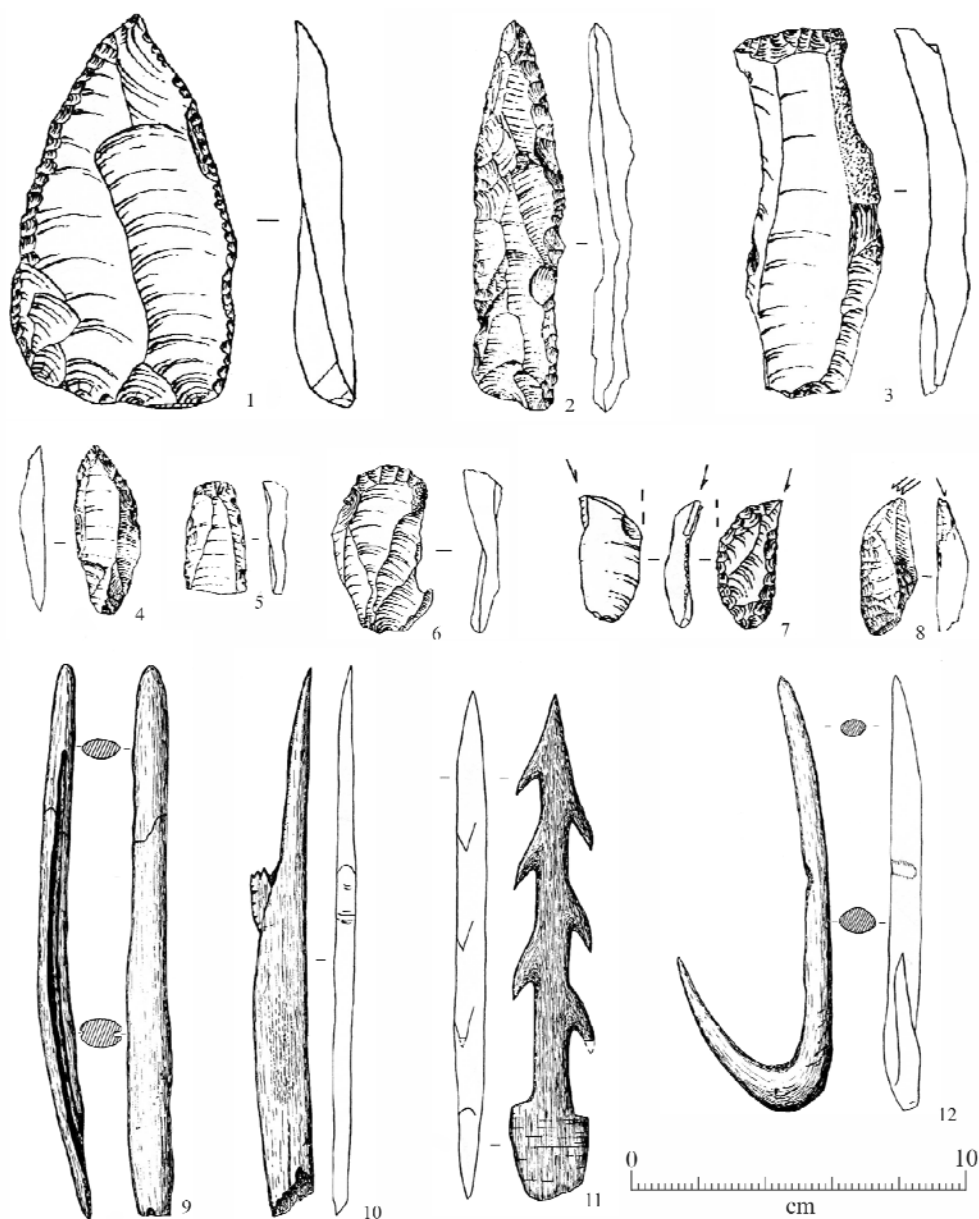

Рис. 3. Материалы позднего этапа верхнего палеолита. Стрижовая Гора, XVII–VIII к. г.: 1–8 – камень; 9–12 – кость [Генералов, 2001]

Граница между палеолитом и мезолитом, и соответственно плейстоценом и голоценом в Канско-Рыбинской котловине проведена на основе стратификации слоев [Генералов, 2001, с. 89]. Своеобразным маркером здесь выступает наличие генераций криогенных деформаций в виде трещин и разрывов, относящихся к норильскому оледенению, завершившему плейстоценовый период. Таким образом, отложения, перекрывающие эти трещины, можно считать раннеголоценовыми.

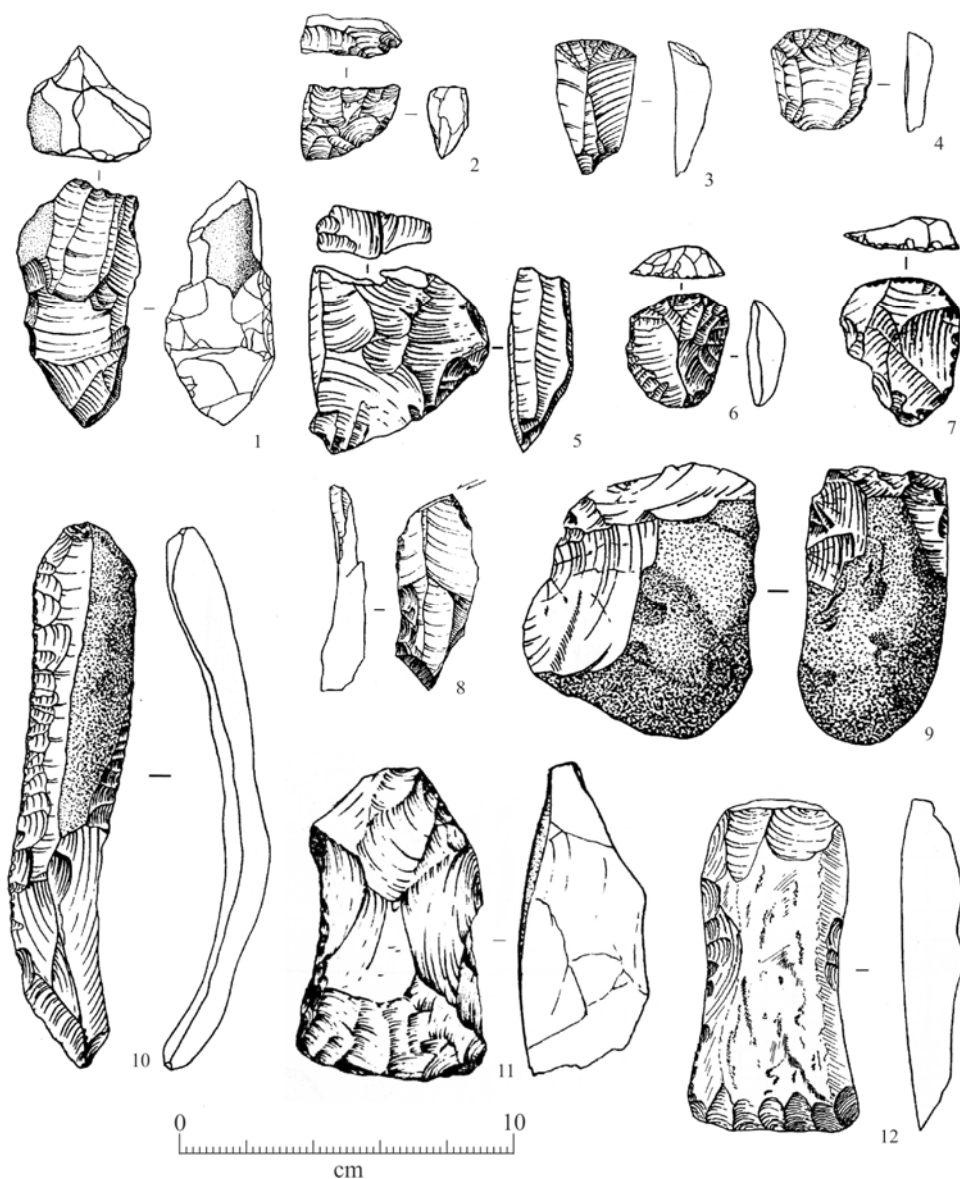

Рис. 4. Материалы финального этапа верхнего палеолита, камень: 1–5, 8, 11 – Стрижовая Гора, VII–IV к. г.; 5–7, 9, 10 – Мезенск, IV к. г.; 12 – Потанчет IV, IV к. г. [Генералов, 2001]

Ранний мезолит (10,5–9,5 тыс. л. н., пребореальный период)

Этап характеризует комплексы начала голоценового периода. К этому времени относятся: XX–XIV горизонты Казачки I, III горизонт Стрижовой Горы, I горизонт Бражного I, III горизонт Потанчета IV и III горизонт Потанчета III.

Культурные остатки раннего мезолита местонахождения Казачка I залегают в погребенных почвах нижней пачки аллювия пойменной фации. Определение XX–XIV горизонтов раннеголоценовым временем обусловлено данными палеозоологии, палинологии, радиоуглеродного и палеомагнитного датирования. Остатки костей животных представлены в основном косулей [Хамзина, 1979]. Споро-пыльцевые спектры указывают на преобладание открытых пространств и практически полное отсутствие пыльцы древесных, что вполне может соответствовать неустойчивой и холодной обстановке климата пребореального периода. Радиоуглеродная дата XIX горизонта – $10\,800 \pm 520$ л. н. (ЛЕ, кость без номера). С этими наблюдениями вполне удачно согласуются даты, полученные по химической намагниченности отложений, – $11\,527\text{--}8850$ л. н. (табл. 1) [Бураков, Начасова, Генералов, 1996].

Культурные остатки III горизонта Стрижовой Горы включены в супесчано-суглинистые отложения, содержащие следы разрушенных погребенных почв. Геолого-стратиграфические наблюдения позволяют отнести данные отложения к пребореальному геологическому периоду [Генералов, 2000, с. 93].

Горизонт I местонахождения Бражное обнаружен в кровле гумусированного красно-бурого суглинка, который имеет локальный характер формирования и зафиксирован на незначительном участке раскопа 1972 г. Структура и цвет суглинка характерны для отложений раннего голоцена [Генералов, 2001, с. 171].

Горизонты III местонахождений Потанчет III, IV залегают в слое коричневой супеси на границе с нижележащими окарбоначенными суглинками, отнесенными к пребореальному периоду голоцена [Абдулов, Генералов, 1990].

На всех рассмотренных местонахождениях граница палеолита – мезолита убедительно читается на основании относительной стратификации слоев. В роле маркера здесь выступает наличие генерации криогенных деформаций в виде разрывов и трещин, относящихся к норильской стадии оледенения. Таким образом, расположение рассматриваемых горизонтов выше уровня этих деформаций указывает на их раннемезолитический возраст.

Каменная индустрия раннего мезолита характеризуется полной микролитизацией инвентаря (рис. 5). Преобладают конусовидные и призматические микронуклеусы (рис. 5, 4, 5, 7, 8). Ведущее место в инвентаре занимают микропластины и орудия на них (резцы, вкладыши, скребки). Топоры и тесла, как и в финальном палеолите, имеют боковые выемки – перехват (рис. 5, б).

Средний мезолит (9,5–8 тыс. л. н., бореальный период). Этот этап характеризуют XIII–XI горизонты местонахождения Казачка I.

Культурные остатки среднего мезолита залегают в погребенных почвах нижней пачки высокой поймы, отличающихся интенсивным почвообразованием и буроватым цветом [Воробьева, Савельев, 1984]. Возраст пачки определяют даты: горизонт XIII – 9240 ± 170 л. н. (ЛЕ, кость без номера), горизонт XII – 9100 ± 245 л. н. (ЛЕ, кость без номера), горизонт XI – 8300 ± 250 л. н. (ЛЕ-1232). Палеомагнитная датировка почвенных слоев указывает на формирование XIII–XI горизонтов в интервале $9200\text{--}8066$ л. н. (см. табл. 1) [Бураков, Начасова, Генералов, 1996]. В споро-пыльцевых спектрах преобладает сосна. Широкое распространение лесов, вероятно, связано со вторым раннеголоценовым потеплением в бореале ($9300\text{--}8300$ л. н.) [Кинд, 1974], еще раз подтверждающая возраст культуросодержащих горизонтов.

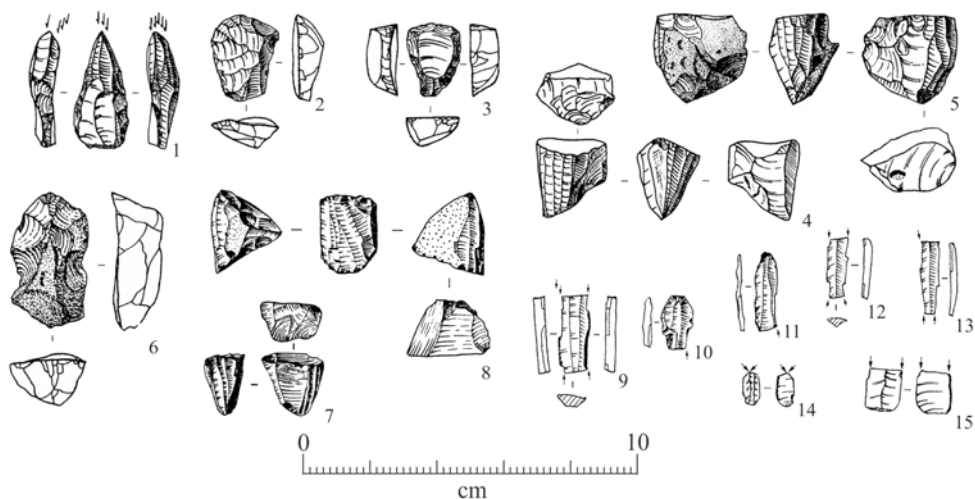

Рис. 5. Материалы раннего мезолита, камень: 1–6 – Стрижовая Гора, III к. г.; 7–15 – Казачка I, XX–XIV к. г. [Генералов, 2001]

Большинство каменных орудий среднего мезолита изготовлены на фрагментах призматических пластин (вкладыши, угловые резцы и резчики, скребки) (рис. 6, 4, 5). Заготовками для снятия пластин служили призматические, конические и карандашевидные нуклеусы (рис. 6, 2, 3). На массивных отщепках оформлялись скребла и ножи (рис. 6, 6, 7). Впервые встречаются орудия со следами шлифовки – это треугольные и трапециевидные топоры и тесла с «ушками» (рис. 6, 1). Многочисленны и выразительны орудия из кости – это двух- и односторонние гарпуны, иглы, проколки, двух- и однопазовые обоймы (рис. 6, 8–13) [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984].

Поздний мезолит (8–7,5 тыс. л. н., конец бореального – начало атлантического периодов). К данному этапу мезолита отнесены X–VIII горизонты Казачки I и IV горизонт стоянки и могильника Попиха [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Тимощенко, 2010]. Прежде всего возраст рассматриваемых отложений определяется приуроченностью горизонтов к отложениям высокой поймы р. Кан.

Отложения X–VIII горизонтов Казачки I относятся к верхней пачке высокой поймы, представленной слабогумусированными супесчаными отложениями. Споро-пыльцевые спектры дали результат только по X горизонту, демонстрируя развитие почвы под степной растительностью с небольшим участием березы и сосны. Характер почвообразования и данные палинологии свидетельствуют о сухом и прохладном климате и, скорее всего, указывают на новосанчуговское похолодание (8300–7900 л. н.) [Кинд, 1974]. Этот возраст подтверждает палеомагнитная датировка почвенных слоев, определяя возраст формирования X–VIII горизонтов в интервале 8025–7580 л. н. (см. табл. 1) [Бураков, Начасова, Генералов, 1996]. Дата по ^{14}C VIII культуросодержащего горизонта «выпадает» из отмеченных рамок 6830±210 л. н. (JE-1227), при этом дата вышележащего VII горизонта – 6975±120 л. н. (COAH 8938).

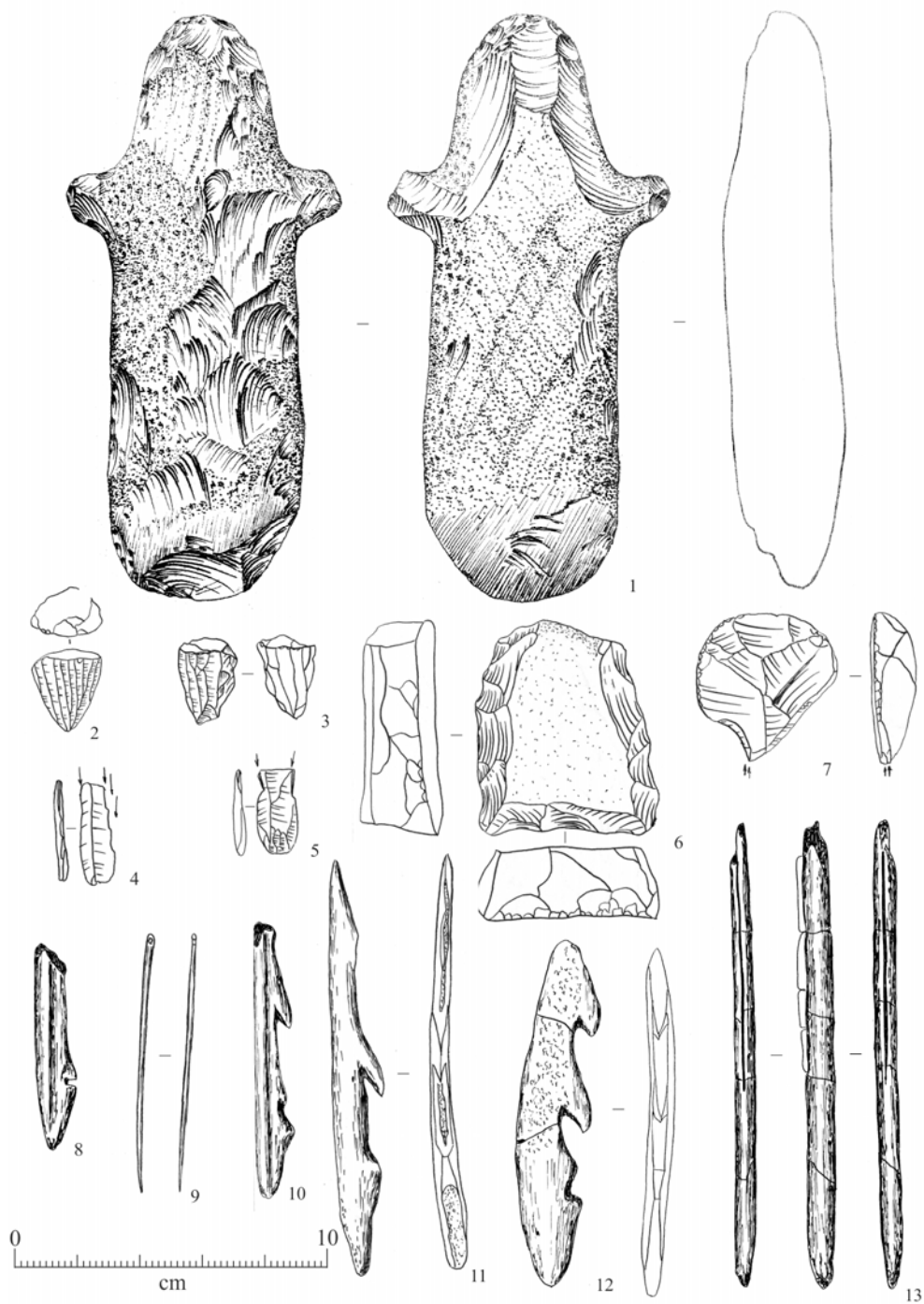

Рис. 6. Материалы среднего мезолита. Казачка I, XIII–XI к. г.: 1–7 – камень; 8–13 – кость

Таблица 1

Сводная схема хронологии и периодизации каменного века Канско-Рыбинской котловины

№ п/п	Этап	Местонахождение (горизонт)	Даты по C ¹⁴	Палеомагнитная датировка (л. н. от 1950 г.)	Хронология (тыс. л. н.)
1	Ранний этап верхнего палеолита	Бражное I (II)	31 000 (ГИН-8481)	–	35–25
2	Средний этап верхнего палеолита	Стрижовая Гора (XIX, XVIII)	14 000±1500 (ГИН-5326)	–	21–19
3	Поздний этап верхнего палеолита	Стрижовая Гора (XVII–VIII)	12 090±120 (ГИН-5822); 12 000±150 (ГИН-5821); 12 250±150 (ГИН-5820); 11 890±60 (ГИН-5819); 10 850±300 (СОАН-406); 11 350±100 (ГИН-5818); 17 400±300 (ГИН-5816)	–	19–12
4	Финальный этап верхнего палеолита	Стрижовая Гора (VII–IV), Мезенск (IV), Потанчет III (V), Потанчет IV (IV)	11 560±50 (ЛЕ, кость б/н)	–	12–10,5
5	Ранний мезолит	Казачка I (XX–XIV), Стрижовая Гора (III), Бражное I (I), Потанчет III (III), Потанчет IV (III)	10 800±520 (ЛЕ, кость б/н)	11 527–8850	10,5–9,5
6	Средний мезолит	Казачка I (XIII–XI)	9240±170 (ЛЕ, кость б/н); 9100±245 (ЛЕ, кость б/н); 8300±230 (ЛЕ-1232).	9200–8066	9,5–8
7	Поздний мезолит	Казачка I (X–VIII), Попиха (IV)	6830±210 (ЛЕ-1227)	8025–7580	8–7,5
8	Ранний неолит	Казачка I (VII), Попиха (III)	6975±120 (СОАН 8938)	7750–6950	7,5–6,9
9	Средний неолит	Казачка I (VI), Зеленогорск I (IV), Мезенск (III)	6660±190 (ЛЕ-1231)	6920–6490	6,9–6
10	Поздний неолит	Казачка I (V), Зеленогорский могильник	5370±85 (СОАН 4656) 5660±100 (ГИН-10934).	5548–4850	5,6–4,5

На местонахождении Попиха материалы финального мезолита (IV горизонт) располагались в кровле слабогумусированной почвы. По характеру условий формирования IV горизонт Попихи сопоставим с отложениями финального мезолита Казачки I.

В каменной индустрии финала мезолита еще преобладает пластинчатая техника, но доля орудий, выполненных на отщепках, значительно возрастает (рис. 7). На фрагментах пластин изготовлены вкладыши, угловые и срединные резцы. Заготовки для снятия пластин служили призматические, конические и карандашевидные нуклеусы. Топоры имеют либо овальную, либо трапециевидную форму с «ушками» (рис. 7, 13, 18).

Единичны крупные скребла и ножи на массивных сколах. Впервые появляются бифасы, черешковые и треугольные наконечники стрел с вогнутой либо прямой базой (рис. 7, 1–5, 14–16).

Неолит. К неолитической эпохе на территории Канско-Рыбинской котловины отнесено более 50 местонахождений [Археологические памятники Канской ... , 1992]. На четырех из них (Казачка I, Зеленогорск I, могильник Зеленогорский, Мезенск) проведены широкомасштабные стационарные работы, выявлен хорошо стратифицированный и диагностичный материал.

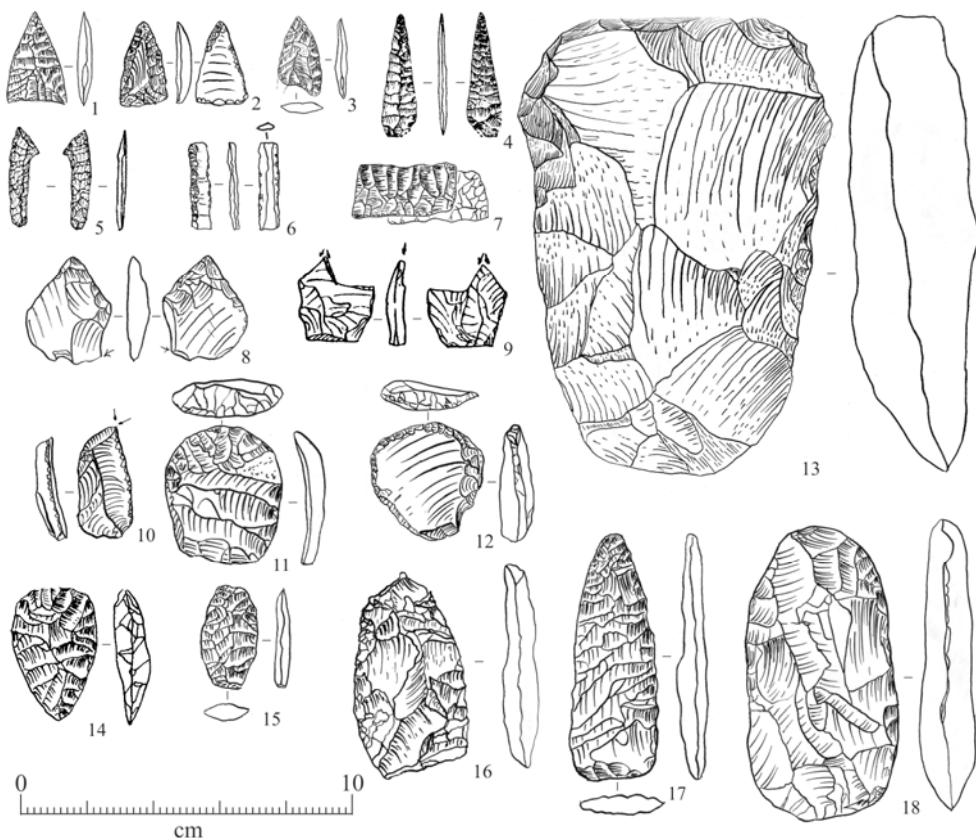

Рис. 7. Материалы позднего мезолита, камень. Казачка I, X–VIII к. г.

Отложения эпохи неолита датированы атлантическим временем и характеризуются интенсивным почвообразованием в условиях влажного и теплого климата. Наблюдается увеличение полноводности рек, что приводит к возрастанию высоты паводков. Во время периодических катастрофических разливов р. Кан происходит формирование наложенной поймы. Во время длительных промежутков между сериями паводков происходит переработка аллювия и формирование почвенных слоев [Воробьева, Медведев, 1984, с. 24]. Таким образом, происходит образование мощных стерильных песчаных прослоев между культуросодержащими горизонтами, исключаящих компрессию археологического материала.

Ранний неолит (7,5–6,9 тыс. л. н., первая половина атлантического периода). Комплексы раннего неолита зафиксированы в VII горизонте Казачки I и III горизонте стоянки и могильника Попиха.

Горизонт VII Казачки I зафиксирован в слое темно-серой, гумусированной, местами слабоглиненной супеси. Отложения приурочены к верхней пачке высокой поймы, демонстрирующей завершение планации поверхности высокой поймы и ее трансформацию в I надпойменную террасу высотой 7 м. Ранненеолитический горизонт имеет ^{14}C -дату 6975 ± 120 л. н. (СОАН 8938), палеомагнитная датировка почвенного слоя указывает на его формирование в интервале 7230–6950 л. н. (см. табл. 1) [Бураков, Начасова, Генералов, 1996].

На местонахождении Попиха неолитический горизонт III залегает в слое светло-желтого песка. На основании схожести археологических коллекций материалы этого горизонта по времени формирования сопоставимы с VII горизонтом Казачки I.

В каменной индустрии раннего неолита в качестве заготовок продолжают использоваться, хоть и уступая место отщепам, пластины. На них изготовлены концевые скребки (рис. 8, 5, 6), боковые резцы (рис. 8, 12, 13) и вкладыши. Использование составных орудий подтверждается находкой костяной двухпазовой обоймы в VII горизонте Казачки I (рис. 8, 9, 10, 16). Заготовками для снятия пластин служили призматические одноплощадочные нуклеусы (рис. 8, 11, 14). На отщепах изготавливались концевые и боковые скребки, наконечники стрел овальной и треугольной форм (рис. 8, 1–3, 7, 8). Появляются массивные наконечники дротиков подтреугольной формы (рис. 8, 4). Для изготовления орудий крупных форм использовались плитки сланца и крупные речные гальки. На бифасиально обработанных крупных сколах оформлялись ножевидные лезвия. Топоры имеют овальную форму, в медиальной части изделий оформлены углубления – перехваты (рис. 8, 15).

Керамика малочисленна. По способу орнаментации и техническому декору выделено два типа керамики – керамика посольского типа и керамика с оттисками сетки-плетенки (рис. 8, 17–19).

К ранненеолитическому этапу отнесено погребение № 4 из могильника Попиха [Тимощенко, 2010]. Основанием для этого служат планиграфические и стратиграфические данные, демонстрирующие закладку погребения из III горизонта, что дает возможность соотнести его по возрасту со стояночным комплексом данного культуросодержащего слоя.

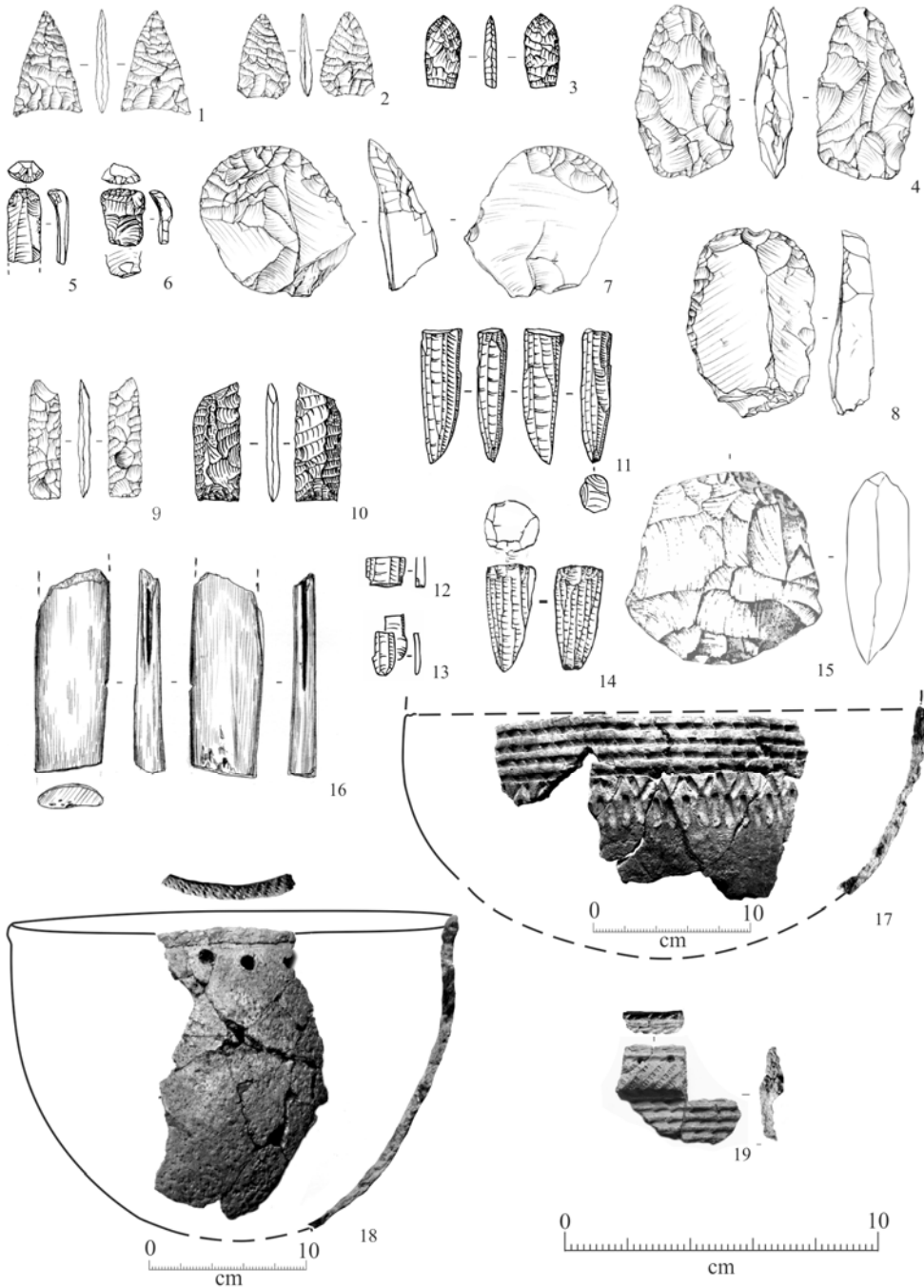

Рис. 8. Материалы раннего неолита: 1–9, 15–19 – Казачка I, VII к. г.; 10–14 – Попиха, III к. г. (1–15 – камень; 16 – кость; 17–19 – керамика)

Погребение коллективное. Анатомический порядок костяков нарушен. Сохранились отдельные остатки скелетов (фрагменты черепов, кости рук, ребра). Сопроводительный инвентарь представлен костяной ложкой, выполненной из трубчатой кости животного и костяным острием.

Средний неолит (6,9–6 тыс. л. н., середина атлантического периода). К этому этапу неолита отнесены: VI горизонт Казачки I, IV горизонт Зеленогорска I, III горизонт Мезенска.

Находки VI горизонта Казачки I залегают в слое темно-серой, сильногумусированной супеси, сформированной в условиях влажного и теплого климата. Радиоуглеродная дата слоя по кости – 6660 ± 190 л. н. (ЛЕ-1231), палеомагнитная датировка почвенного слоя – 6920–6490 л. н. (см. табл. 1) [Бураков, Начасова, Генералов, 1996].

На местонахождении Зеленогорск I комплексы среднего неолита приурочены к IV горизонту, представленному сильногумусированной супесью, по характеру и условиям осадконакопления идентичной отложениям среднего неолита Казачки I.

На местонахождении Мезенск находки III горизонта залегают в слое темно-серой сильногумусированной супеси, датированной серединой – второй половиной атлантического времени. Расположение археологического материала в подошве слоя позволяет соотнести материалы этого слоя со средне-неолитическими горизонтами Казачка I и Зеленогорска I.

Нуклеусы среднего неолита делятся на призматические и клиновидные. Пластины используются исключительно в качестве лезвий составных орудий. Наконечники стрел делятся на овальные, треугольные с прямым основанием и ромбовидные с усеченным основанием (рис. 9, 1–6). Скрепки концевые и боковые выполнены на пластинчатых отщепках (рис. 9, 7, 8). Топоры и тесла имеют овальную форму в плане и подтреугольное сечение, лезвия орудий шлифованы (рис. 9, 9, 10).

Среди костяных орудий присутствуют двухпазовые вкладышевые ножи и костяные гарпуны с односторонним расположением зубцов и одним боковым выступом в основании (рис. 9, 11, 12).

Реконструированные сосуды имеют открытую параболоидную форму (рис. 9, 13, 14). Орнамент, как правило, покрывает весь сосуд сверху донизу. Среди основных элементов присутствуют неглубокие вдавления лопаточки округлой и овальной форм, нанесенные в технике отступания, а также оттиски зубчатого, «личиночного» штампа, выполненные в технике отступания и накальвания. Н. А. Савельев выделил казачинский пласт, объединяющий керамику данного вида [Савельев, 1989].

Поздний неолит (5,6–4,5 тыс. л. н., вторая половина атлантического периода). Этот этап развития древнего населения Канско-Рыбинской котловины отражает V горизонт Казачки I и погребения Зеленогорского могильника.

Горизонт VI местонахождения Казачка I залегают в слое темно-серой, сильно гумусированной супеси, относящейся к верхней части наложенной поймы. Радиоуглеродная дата – 5370 ± 85 л. н. (СОАН 4656), палеомагнитная датировка – 5548–4850 л. н. (см. табл. 1) [Бураков, Начасова, Генералов, 1996].

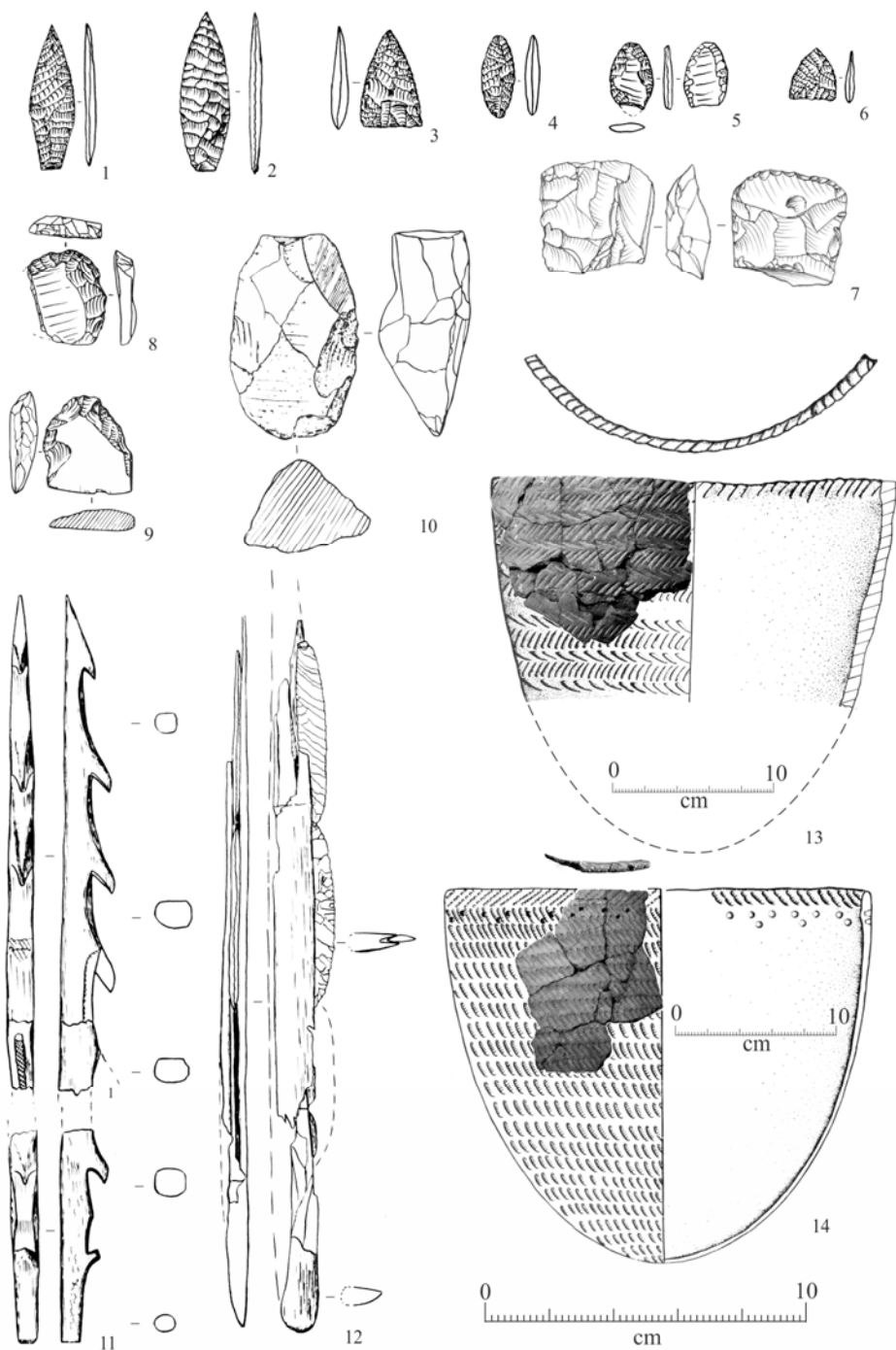

Рис. 9. Материалы среднего неолита. Казачка I, VI к. г.: 1–10 – камень; 11, 12 – кость; 13, 14 – керамика

Каменный инвентарь позднего неолита характеризуют концевые, боковые и двулезвийные скребки на отщепах, черешковые наконечники стрел и наконечники удлинненно треугольной формы с прямым или вогнутым насадом (рис. 10, 1–7).

Сосуды украшались пунктирно-гребенчатым орнаментом (рис. 10, 8–11). Композиция орнамента зональная, расположена в верхней трети сосудов и состоит из вертикальных, горизонтальных и косопоставленных оттисков пунктирной гребенки. Форма сосудов овалоидная с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуды данного вида выделены в пунктирно-гребенчатый пласт [Савельев, 1989].

К этому этапу относится и могильник Зеленогорский. На глубине 0,18–0,23 м от дневной поверхности в средней части плотной супеси коричневаточерного цвета, относящейся к середине атлантического периода, обнаружено 3 погребения [Абдулов, Савельев, Алтухов, 2005].

Погребения ориентированы по линии СВ/ССВ–ЮЗ/ЮЮЗ. Анатомический порядок нарушен. Зафиксирован сложный обряд ингумации совместно с трупосожжением, о чем говорят многочисленные фрагменты преднамеренно расщепленных твердым предметом трубчатых костей нижних конечностей со следами термической обработки и жженые фрагменты костей черепа, обнаруженные в кострищах рядом с погребениями [Там же].

Погребальный инвентарь представлен: кольцом из кальцита с вертикальными насечками по ребру, подвеской треугольной формы из лопатки мелкого животного с отверстием на нижнем конце и треугольными насечками по периметру, боковым скребком, обломком клыка кабарги, шлифованными обломками острий, трубчатой костью птицы. Для погребения № 1 получена дата по кости – 5660 ± 100 л. н. (ГИН-10934).

Заключение

Таким образом, в настоящее время на территории Канско-Рыбинской котловины выявлены объекты, демонстрирующие развитие материальной культуры древнего человека в каменном веке от верхнего палеолита до позднего неолита.

Исходя из того что археологический материал имеет четкую геостратиграфическую привязку и основываясь на разности геостратиграфических позиций и условий осадконакопления, удалось выделить 10 хронологических этапов (см. табл. 1). Эти данные подтверждены методами абсолютного датирования и анализом археологических коллекций.

Существование палеолитических комплексов датируется периодом 35–10,5 тыс. л. н., который подразделяется на четыре хронологических этапа. Вопрос о времени заселения Канско-Рыбинской котловины до сих пор открыт. Древнейший на сегодняшний день археологический комплекс зафиксирован во II слое местонахождения Бражное и датируется в районе 35 тыс. л. н., по археологической периодизации совпадая с началом верхнего палеолита.

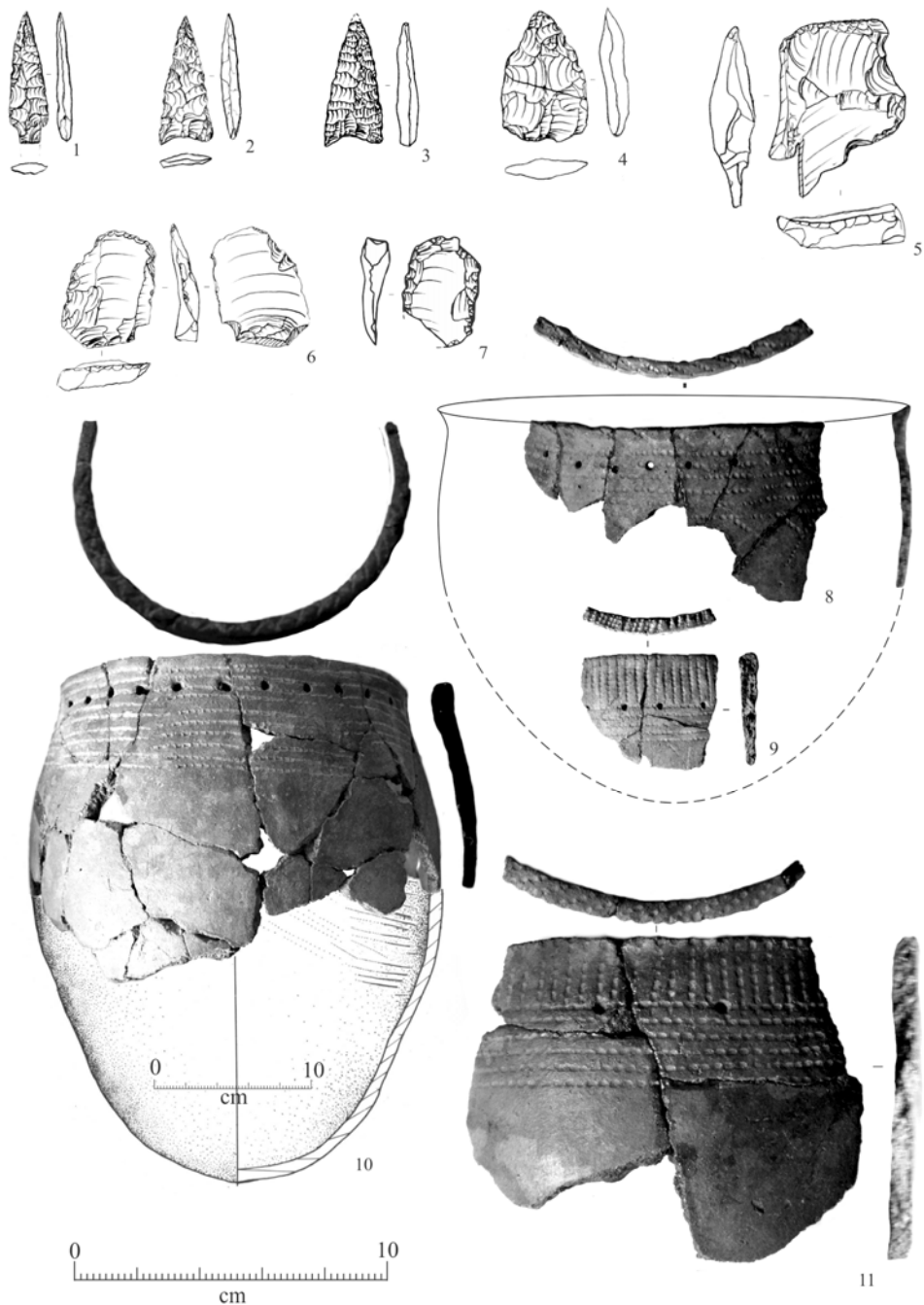

Рис. 10. Материалы позднего неолита. Казачка I, V к. г.: 1-7 – камень; 8-11 – керамика

Эпоха мезолита датируется в пределах 10,5–7,5 тыс. л. н. и состоит из трех этапов. Они выделены на материалах 12 культуросодержащих горизонтов местонахождения Казачка I.

С технологией керамического производства население Канско-Рыбинской котловины знакомится около 7 тыс. л. н. Верхняя граница формирования неолитических комплексов определена 4,5 тыс. л. н. Отличие от предложенных ранее хронологических схем заключается в удревнении неолита, что является вполне закономерным процессом, имеющим общую тенденцию для всей территории Южной Сибири. Эти изменения основываются на данных геологии, ¹⁴C-датах и остаточной намагниченности слоев.

Тем не менее в археологии каменного века Канско-Рыбинской котловины присутствуют белые пятна. До сих пор не обнаружены комплексы древнее 35 тыс. л. н. Малое количество выявленных на данный момент захоронений, наряду с бедностью сопроводительного инвентаря и обособленностью каждого погребального комплекса, не дают возможности для разработки интерпретационных моделей.

Поиски и изучение палеолитических местонахождений и погребальных комплексов представляются наиболее актуальными задачами дальнейших полевых исследований в Канско-Рыбинской котловине.

Список литературы

Абдулов Т. А. Культурно-стратиграфическая корреляция Потанчетского комплекса археологических памятников / Т. А. Абдулов, А. Г. Генералов // Палеоэтнология Сибири. – Иркутск, 1990. – С. 105–106.

Абдулов Т. А. Палеолит Канско-Енисейского региона / Т. А. Абдулов, А. Г. Генералов // Исторический опыт освоения восточных регионов России. – Владивосток, 1993. – С. 73–75.

Абдулов Т. А. Археологические работы в районе г. Зеленогорска Красноярского края / Т. А. Абдулов, Н. А. Савельев, В. В. Алтухов // Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С. 13–14.

Археологические памятники Канской лесостепи (к своду памятников Красноярского края) / Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов, С. А. Дзюбас // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. 1. – С. 90–93.

Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Ч. 1: Каменный период. / Н. К. Ауэрбах. – Красноярск : Изд-во Сред.-Сиб. гос. геогр. общ-ва, 1929. – 19 с.

Бураков К. С. Запись вариации геомагнитного поля в химической намагниченности осадочных пород археологического памятника Казачка / К. С. Бураков, И. Е. Начасова, А. Г. Генералов // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. – М. : Изд-во ОИФЗ РАН, 1996. – С. 15–18.

Воробьева Г. А. Плейстоцен-голоценовые отложения юга Средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях: Голоцен / Г. А. Воробьева, Г. И. Медведев. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 44 с.

Воробьева Г. А. Археология и геологическое строение Стрижовой горы / Г. А. Воробьева, А. Г. Генералов // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. 1. – С. 120–124.

Генералов А. Г. Проблема хронологии и периодизации неолита Красноярско-Канской лесостепи / А. Г. Генералов // Археология и этнография Восточной Сибири : тез. докл. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1978. – С. 32–34.

Генералов А. Г. К вопросу о позднем палеолите севера Канской лесостепи / А. Г. Генералов, С. А. Дзюбас // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. – Иркутск, 1987. – С. 36–37.

Генералов А. Г. Геоархеологический объект Стрижовая гора (стратиграфия, хронология, типология, технология) / А. Г. Генералов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2000. – 153 с.

Генералов А. Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона : дис. ... д-ра ист. наук / А. Г. Генералов. – Иркутск, 2001. – 418 с.

Гуляев В. М. Стрижовая гора – многослойный памятник культуры охотников каменного века на юге Восточной Сибири / В. М. Гуляев, Т. Н. Кононова, Г. И. Медведев // Палеоэкология древнего человека. – М., 1977. – С. 192–197.

Ермолаев А. П. К археологии окрестностей г. Канска, Енисейской губернии / А. П. Ермолаев // Сибирский архив. – Красноярск, 1912. – № 4. – С. 8–14.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцов // Описание коллекций музея. – Красноярск, 1929. – С. 55.

Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным / Н. В. Кинд. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / С. В. Киселев. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярск / Г. А. Максименков // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 305–315.

Максименков Г. А. Неолит Енисея / Г. А. Максименков // Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ, 1964. – С. 147–155.

Медведев Г. И. Стоянка Стрижовая гора / Г. И. Медведев // Археологические открытия 1974 г. – М. : Наука, 1975. – С. 221.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае / Г. Мергарт // Изв. КРГО. – Красноярск, 1923. – Т. 3, вып. 1. – С. 29–36.

Савельев Н. А. Строение и возраст культуровмещающих отложений многослойного поселения Казачка I / Н. А. Савельев, Г. А. Воробьева // Проблема исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее). – Красноярск, 1984. – С. 144–150.

Савельев Н. А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины / Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов // Проблема исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее). – Красноярск, 1984. – С. 136–142.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Новосибирск, 1989. – 279 с.

Сергеев Г. М. Островные лесостепи и подтайга Приенисейской Сибири / Г. М. Сергеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. изд-во, 1971. – 264 с.

Тимощенко А. А. Археологические исследования Канско-Рыбинской котловины Иркутским государственным университетом / А. А. Тимощенко // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул : Азбука, 2008. – С. 38–39.

Тимощенко А. А. Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан / А. А. Тимощенко // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 171–174.

Тимощенко А. А. Неолит и бронзовый век Канско-Рыбинской котловины : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Тимощенко. – Кемерово, 2013. – 33 с.

Хамзина А. А. Результаты анализа остеологической коллекции многослойной стоянки Казачка (Красноярский край) / А. А. Хамзина // Тезисы докладов отчетной научно-теоретической конференции. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1979. – С. 48–49.

Chronology and Periodization of the Stone Age in Kansk-Rybinsk Basin

A. A. Timoshenko

Abstract. The article presents the results of 50 years investigation of the Stone Age Kansk-Rybinsk basin based on the 8 major sites (Kazachka I, Strizhovaia Gora, Brazhnoe, Potanchet III-IV, Popikha, Mezensk). The description of geomorphological and stratigraphic situation, the results of radiocarbon dating and date interval of sedimentation by residual magnetization, analysis of stone splitting technology makes it possible to clarify the chronological scheme and periodization of the Stone Age in Kansk-Rybinsk basin. A complete analysis is given 10 chronological stage of Stone Age in the time interval from 35 to 4,5 ka BP. The Paleolithic is divided into 4 stages (II layer of Brazhnoe site, XVIV–IV layers of Strizhovaia Gora, IV layer of Mezensk site, V layer of Potanchet III, IV layer Potanchet IV; 35–10,5 ka BP), the Mesolithic has 3 period (XX–VIII layers of Kazachka I, III layer of Strizhovaia Gora, II layer of Shumikha site, I layer of Brazhnoe, III layer of Potanchet IV, III layer of Potanchet III, IV layer of Popikha; 10,5–7,5 ka BP), the Neolithic – 3 stages (VII–III layers of Kazachka I, III layer of Popikha, IV layer of Zelenogorsk I, III layer of Mezensk site, 7,5–4,5 ka BP).

Keywords: Kansk-Rybinsk basin, multilayered settlements, burial assemblage, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, chronology, periodization.

Тимощенко Алексей Анатольевич

кандидат исторических наук,
инженер-исследователь, НИЦ
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Timoschenko Alexei Anatolievich

Candidate of Sciences (History),
Research Engineer, SRC «Baikal Region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru